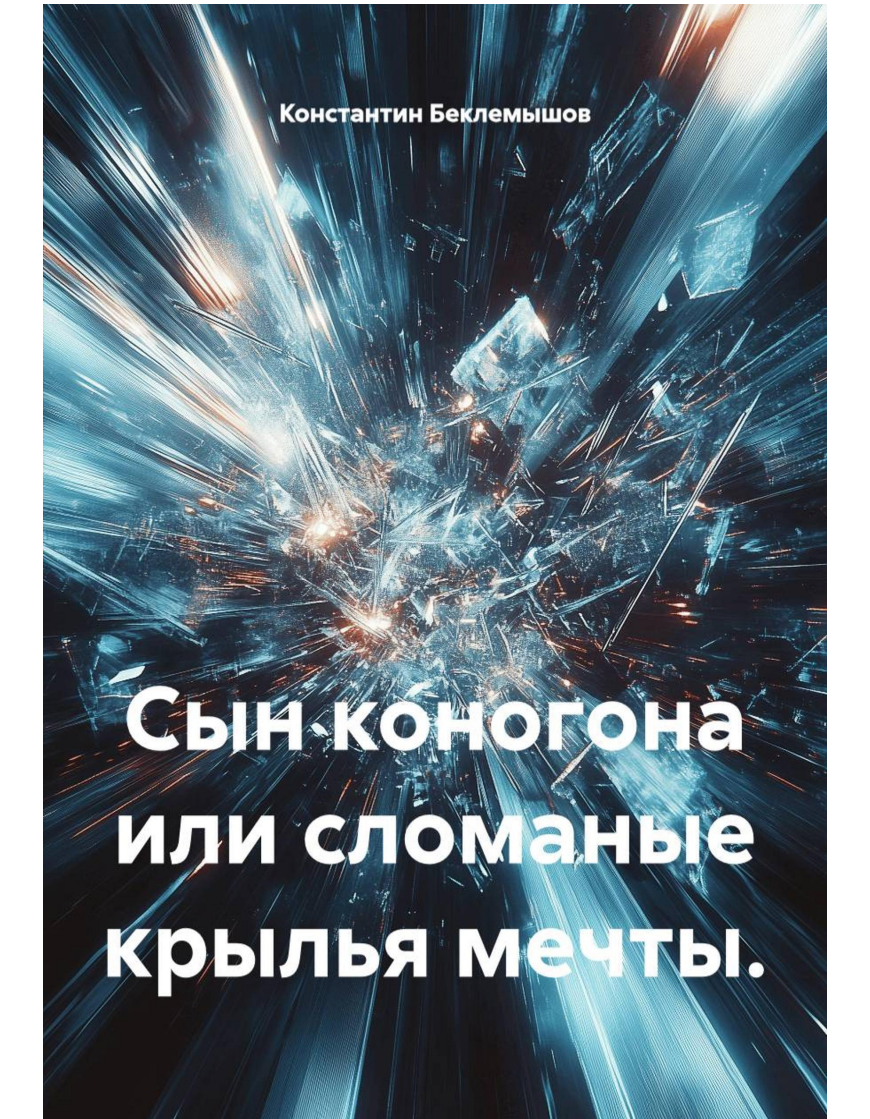

The background of the entire image is a complex, abstract pattern of bright blue and white streaks. These streaks radiate from a central point, creating a starburst or explosion effect. The lines vary in length and thickness, giving a sense of dynamic movement and energy. The overall color palette is dominated by deep blues and bright whites, with some hints of orange and yellow at the points of intersection or focal points of the streaks.

Константин Беклемышов

**Сын коногона
или сломанные
крылья мечты.**

Константин Беклемышов

Сын коногона или

сломанные крылья мечты.

<https://litres.ru/74376213>

SelfPub; 2026

Аннотация

Арыков Константин Иванович (03.06.1918 — 08.06.1995) — ветеран Великой Отечественной войны, лейтенант, уроженец села Сафоново Прокопьевского района. Перед войной окончил местную лётную школу. В годы войны проявил героизм в качестве командира взвода связи, обеспечивая бесперебойное управление войсками во время крупных наступательных операций (включая бои у реки Пилица). Награжден орденом Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степеней. В мирное время внес значительный вклад в развитие инфраструктуры родного региона, возглавляя предприятие «Промсвязь» в городе Прокопьевске.

Содержание

Глава 1. Егос проснулся на рассвете	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сын коногона или сломанные крылья мечты.

Глава 1. Егос проснулся на рассвете

В июне 1918 года старинное село Сафоново, что примостилось у извилистой речки Егос, казалось, замерло на самом краю земли. По всей Сибири, вдоль Транссиба, гремели выстрелы Гражданской войны, менялись флаги и лозунги, но здесь, в Кузнецком уезде, время словно текло по своим, вековым законам. Тайга глушила чужие звуки, а земля жила ожиданием сибирского лета.

Но в избе Ивана Арыкова на окраине Сафонова сна не было. Иван стоял во дворе, до крови сжимая в мозолистых ладонях уздечку своего гнедого коня. Из натопленного, пахнущего сухими травами бревенчатого дома доносился глухой, выматывающий душу стон его жены, Анны Максимовны. Роды шли долго, мучительно. Иван не умел молиться красиво, как городские книжники, поэтому просто шептал в теплую, бархатную морду коня:

— Выдюжи, Анюта... Выдюжи, родная. Сына мне дай. Чтобы крепче этой земли был. Чтобы никакой огонь его не

взял.

Гнедой шумно вздыхал, переступая мощными ногами по сырой траве, словно понимал хозяина. В Сафонове добрый конь был всем — и кормильцем, и защитником. Иван еще не знал, что пройдет совсем немного времени, и тихая крестьянская жизнь Сафонова навсегда уйдет в прошлое. Что он сам, зажав в кулак гордость, придет с этим самым конем на строящуюся прокопьевскую шахту, станет коногоном, а земля, по которой они сейчас ходят, начнет отдавать человеку свой черный, горячий камень.

Вдруг в избе всё стихло. На секунду над Сафоновом повисла звенящая, пугающая тишина, от которой у Ивана перехватило дыхание. А затем сквозь предрассветный туман над речкой Егос раздался другой звук — тонкий, пронзительный, злой младенческий плач. Живой!

Иван рванул дверь, едва не сорвав её с петель, и вошел в избу. Повитуха уже обмывала пищащий розовый комочек.

— Сын, Иван! Гляди, какой крикун, — устало, но с гордостью улыбнулась Анна с постели. Её бледное лицо светилось тихой радостью. — На календаре-то сегодня что, Ванюша? Третье июня. Олёна-льняница по-нашему, день царя Константина и матери его Елены...

Иван бережно, словно хрустальный сосуд, принял мальчика на свои огромные, огрубевшие от работы руки. Малыш тут же затих, почувствовав тепло отца.

— Константином назовем, — твердо сказал Иван, глядя

на жену, а затем на крохотные, но уже крепко сжатые пальцы сына. — Сам святой Константин его в этот день на землю сопровождал, имя свое дал. Значит, наперекор всему нашему лютому времени каменным мальчик будет, стойким. Царское имя, волевое. Настоящий сафоновский богатырь.

Отец вышел на крыльцо. Над Сафоновом, над сопками и вековой тайгой раскинулось огромное, пронзительно-синее июньское небо. Младенец Костя впервые открыл маленькие глазки и уставился вверх, в эту бесконечную синеву.

Глава 2. Палка против стаи

К середине двадцатых годов Костя Арыков превратился в крепкого, ладного мальчишку с цепким взглядом и выгоревшими на сибирском солнце волосами. Сафонов росло, менялось, но характер здешних мест оставался прежним — суровым и вольным. Мама Анна учила детей добру и молитве, а отец Иван — тяжелому крестьянскому труду и умению никогда не пятиться назад.

Евдокия, старшая сестра, была для Кости непререкаемым авторитетом. Высокая, тонкая, с длинной русой косой, она часто нянчилась с братом, таская его за собой в ближние березовые околки. Но в тот сухой осенний день всё переменялось. Теперь защитником пришлось стать младшему.

Они возвращались из леса. На плече у Евдокии покачивалась тяжелая ивовая корзина, доверху наполненная крепкими, пахучими белыми грибами с толстыми ножками и тем-

ными шляпками. Костя шёл чуть позади, размахивая сучковатой березовой палкой — сшибал головки полыни и представлял себя кавалеристом.

Опасность выросла словно из-под земли на окраине села, у старого заброшенного амбара. Из гнилого подпола, глухо рыча, выскочили три огромные, одичавшие собаки. Эти псы не знали пощады, их поджимал голод, а в наливающихся кровью глазах горела звериная злоба.

Евдокия замерла как вкопанная. Корзина дрогнула, пара крупных белых грибов выкатилась прямо на серую пыль дороги.

— Костя, беги! — испуганно вскрикнула сестра, пытаясь закрыть брата собой.

Но семилетний Костя не побежал. Внутри него, словно отцовская пружина, сработал тот самый характер, заложенный в день святого Константина. Бежать — значит подставить Дуню. Назад нельзя.

Мальчик рванулся вперед, загородив сестру своим маленьким телом. Он перехватил березовую палку двумя руками, как заправский боец, и, шагнув навстречу вожаку стаи — грязно-серому кобелю с порванным ухом, — истошно, во весь голос закричал:

— Пошли вон! Не тронь Дуню!

Вожак оскалился, припал к земле, готовясь к прыжку. Собаки начали обходить детей с двух сторон, беря в полукольцо. Другой ребенок расплакался бы или бросился наутек, но

Костя стоял намертво. Он чувствовал, как за спиной дрожит Евдокия, и эта её слабость придавала ему яростной, почти взрослой силы.

Когда серый пес прыгнул, Костя не зажмурился. Он наотмашь крутанул своей палкой, вложив в удар весь вес. Сухой березовый сук с глухим стуком встретился с лобастой головой пса. Вожак взвизгнул, перекувырнулся в пыли и отскочил назад, удивленный такой яростной отповеди от маленького человека.

Костя не отступил ни на шаг. Он продолжал наступать на стаю, бешено вращая палкой и крича так, что сорвал голос. Две другие собаки, лишившись уверенности своего вожака, поджали хвосты. Огрызаясь и пятясь, стая медленно отступила обратно к амбару, а затем скрылась в бурьяне.

Палка выпала из онемевших пальцев Кости. Избавившись от оцепенения, Евдокия бросилась к брату, обняла его и заплакала, размазывая слезы по щекам:

— Костенька... маленький мой... ты как? Они же загрызть могли!

Костя тяжело дышал, его сердце колотилось где-то в горле, но на бледном лице вдруг появилась упрямая отцовская усмешка. Он бережно приглушил плач сестры, поднял укатившийся белый гриб, бережно отряхнул его от пыли и вложил обратно в корзину:

— Не плачь, Дуня. Я же с тобой. Больше они не сунутся. Вечером, когда отец Иван узнал о случившемся, он не

стал ругать сына за безрассудство. Он просто молча положил свою тяжелую, пахнущую дегтем руку на голову Кости и крепко сжал плечо. Взгляд отца говорил больше любых слов: вырос мужчина. Защитник.

Глава 3. Ночной обоз и крылья над Грамотеино

Начало тридцатых годов ворвалось в село Сафоново злобщим, липким страхом. Слово «колхоз» мужики произносили шепотом, оглядываясь на окна. Братья Арыковы — Иван, Дмитрий и Степан — уходить со своей земли и отдавать нажитое кровным трудом хозяйство в общий котел не желали. Слишком дорого стоила им сибирская независимость.

Гроза грянула глухой осенней ночью. В избу Ивана тихо, без стука, скользнул соседский парень — запыхавшийся, бледный:

— Иван, уходи! Списки в сельсовете лежат. Утром тебя и братьев раскулачивать придут. Активисты уже подводы готовят, до рассвета не дотерпят. На север сошлют, пропадете!

Сон как рукой сняло. Мама Анна беззвучно заплакала, поспешно завязывая в узлы нехитрые пожитки. Иван бросился во двор, к братьям Дмитрию и Степану. Руки дрожали, но сибирская закваска держала намертво. Запрягли верного гнедого коня, уложили самое ценное, накрыли соломой. Маленький Костя и Евдокия сидели на телеге тихо, словно мышата.

Село Сафоново они покинули за час до рассвета, огорода-

ми, уходя в серый туман вдоль речки Егос. Костя обернулся и долго смотрел, как исчезает в темноте силуэт родного дома, который они больше никогда не увидят.

Началась жизнь беглецов. Семья колесила по сибирским деревням и весям, замечая следы. Жили на птичьих правах, ночевали в брошенных, выстуженных избах, где ветер гулял по углам. Иван брался за любую подработку, но стоило им немного обустроиться, как кто-то из добрых людей приносил весть: «Иван, на вас запрашивали бумагу. Снимайся». И они снова запрягали коня и ехали дальше, вглубь Кузбасса.

Так они дошли до Грамотеино. Именно там, на грамотеинской земле, истощенные, измученные бесконечным страхом и скитаниями Арыковы встретили то, что навсегда перевернуло душу двенадцатилетнего Кости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.